

землѧ ли претвори́лася въ нѣбо, илъ нѣбо премъни́лось въ землю; ѿвъ сіи рѣчи суть несвойственны. Что до матерїи принадлежитъ, суть тѣлеса небеснам, и суть тѣлеса земнам: но ина есть небесныиъ члѣва, ина земныиъ: иная матерія неба, иная матерія земли. ни матерія небеснам можетъ быти землею, ни матерія земнам нѣ бомъ: однакоже, что касается до иныхъ дѣющаго таинства, не погрѣшишъ, естьли свое сие допустимъ. Не на ст҃быи вертепныи, не на матерію земли смотря, но на таинство въ вертепѣ дѣющееся взирала безопасно речемъ: сталя землѧ нѣбомъ, стало нѣбо землею.

Два гости иныхъ на оупокоенїе въ вертепѣ прибыли: и ѿ земли, и съ неба. Первый человѣкъ ѿ земли перстный, то гость єдинъ страннай и изъ Назарета, во оутробѣ дѣвической принесенный. Вторый человѣкъ Господь съ небесе, то гость драгий. Страннай не изъ ближнаго мѣста, съ неба. Въ первомъ, естество ѿ вренїя взатое землѧ то. Въ драгомъ, естество ѿ небесъ превыше сошедшее, назовемъ нѣбо то. Господь съ небесе. Бываєтъ Богъ человѣкомъ, а человѣкъ Богомъ: становится то нѣбо землею, а землѧ нѣбомъ, и не такъ становится нѣбо землею, давы престало быти нѣбомъ: ни землѧ такъ становится нѣбомъ, чтобы престала быти землею, то есть не такъ бываєтъ Богъ, человѣкомъ, чтобы престалъ быти Богомъ, ни человѣкъ такъ бываєтъ Богомъ, чтобы престалъ быти человѣкомъ, но обое то такъ съ собою соединяютсѧ, какъ въ єномъ таинствѣ, ѿ которомъ Апостолъ: Быдета оба въ плоть єдина (Еф: гл. 5). а тутъ въ лицѣ єдино, икона красиъ глаголетъ Дамаскинъ: Не во двою лицу раздѣляемъ, но во двою естество несмѣсно познаваемъ. Такое таинственное нѣбо съ землею, Бога съ человѣкомъ соединенїе въ видим-